

Валдайские записки

№ 96

Геоэкономика Китая и «новая холодная война»

Гленн Дисэн

ru.valdaiclub.com
[#valdaiclub](https://twitter.com/valdaiclub)

Ноябрь, 2018

Об авторе

Гленн Дисэн

Профессор Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Данный текст и другие материалы
можно найти на нашем сайте:
<http://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/>

Данный текст отражает личное мнение автора или группы
авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба, если
явно не указано иное.

© Фонд развития и поддержки Международного
дискуссионного клуба «Валдай», 2018

Российская Федерация, 115184, Москва,
улица Большая Татарская, дом 42

Введение

С точки зрения геэкономии, Китай совершает качественный рывок вперёд, адаптируясь к стремительному развитию технологий и изменению баланса сил на международной арене. Мир вступает в эпоху новой промышленной революции, которая характеризуется продолжающимся разрывом связи между трудом и капиталом. Это побуждает Пекин отказать от модели обеспечения конкурентоспособности за счёт низкой стоимости труда и вместо этого сконцентрироваться на развитии стратегических высокотехнологических отраслей в рамках реализации инициативы «цифрового Шёлкового пути». Залогом технологического лидерства в эпоху новой промышленной революции становится масштаб спроса, который Китай обеспечил своей продукцией за счёт монопольного контроля над растущим внутренним рынком и развития экономической взаимосвязанности с остальным миром.

Реализация инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) способствует трансформации глобальных цепочек формирования добавленной стоимости в результате появления новых транспортных и энергетических коридоров, ведущих в Китай и финансируемых за счёт китайских международных финансовых инструментов. Россия и Китай становятся естественными союзниками, общей целью которых является реструктуризация глобальных цепочек добавленной стоимости и становление полицентричного мира. Китай сформировал собственную геэкономическую модель, ключевым компонентом которой с учётом современных условий является разработка национальных технологических платформ. При этом китайская инициатива ОПОП сопряжена с российскими проектами по развитию экономической взаимосвязанности в рамках Большой Евразии.

Если некогда западные санкции могли изолировать Россию на международном рынке, в современных условиях они просто подталкивают её в сторону ориентированных на Китай глобальных цепочек добавленной стоимости. Санкции невыгодны как для России, так и для Запада, делая Россию излишне зависимой от Китая и тем самым подрывая возможность Москвы диверсифицировать свои экономические связи, чем препятствуют достижению технологической независимости. В условиях «новой холодной войны» Россия была вынуждена пойти на неравноправное партнёрство с Китаем в интересах создания полицентричного миропорядка. Параллельно с этим баланс сил между Китаем и Западом складывается не в пользу Запада, где Китай всё чаще рассматривается в качестве соперника, бросающего вызов сложившимся под эгидой Запада цепочкам добавленной стоимости.

Геоэкономическая стратегия Китая в эпоху новой промышленной революции

В 1970-е гг. Китай принял так называемую доктрину «мирного подъёма», открыв свои рынки Западу и заняв сдержанную позицию в международных делах. С точки зрения геоэкономики, Китай пользовался инструментарием неомеркантилизма, который подразумевает сдерживание роста заработной платы и девальвацию валюты для максимального наращивания экспорта при сокращении импорта. Экспортёры получали налоговые послабления и щедрые торговые кредиты, тогда как условием получения доступа на огромный китайский рынок было открытие местного производства и передача технологий и ноу-хау. Ради завоевания лидерства в долгосрочной перспективе, становления Китая в качестве мирового производственного центра и накопления огромных золотовалютных резервов временно был ослаблен внутренний рынок, и уровень жизни оставался низким. При этом место Китая в глобальных цепочках добавленной стоимости постепенно менялось: из мирового центра дешёвого производства страна превратилась в мирового производителя высокотехнологичной продукции за счёт приобретения западных корпораций и принадлежащих им технологий. Пекин часто обвиняют в краже интеллектуальной собственности и обратном проектировании.

Несмотря на растущую на Западе тревогу из-за перемещения центра экономического могущества с Запада на Восток, Вашингтон не стал предпринимать каких-либо решительных действий, ведь Китай использует полученную от профицита торговли с США прибыль на выкуп американского госдолга, тем самым субсидируя сохранение в США более высокого уровня жизни. Соответственно, американские элиты стали превозносить экономическую взаимозависимость как абсолютное преимущество, несмотря на её относительность и необходимость обеспечения более сбалансированных отношений.

Исходная стратегия развития Китая неизбежно носила временный характер, поскольку растущей экономике страны было необходимо обеспечить безопасный и надёжный доступ к природным ресурсам, транспортным коридорам и финансовым инструментам. Длительный период стремительного экономического роста в рамках старой модели развития сопровождался ухудшением состояния окружающей среды, ростом неравенства и угрозой политической нестабильности. Кроме того, низкая себестоимость производства

быстро исчерпала себя как основное конкурентное преимущество, поскольку приток дешёвой рабочей силы из сельскохозяйственного сектора стремительно снижался. Если поддаться давлению и отказаться от контроля над капиталом и привязки к доллару, а также допустить удорожание юаня, затраты на производство вырастут, а конкурентоспособность сократится. Помимо этого, постоянный рост финансирования госдолга США создаёт для Китая риск, что эти инвестиции не окупятся в случае удорожания или обесценивания американской валюты или отказа от выплат по облигациям. Не желая больше довольствоваться статусом «мировой фабрики», использующей прибыль для финансирования американского госдолга, Китай стремится укреплять свои позиции, используя свои значительные золотовалютные резервы на то, чтобы бросить вызов подконтрольным Западу цепочкам добавленной стоимости.

Новая стратегия развития Китая адаптируется к господствующему сейчас в мире геоэкономическому тренду, суть которого заключается в снижении связи между капиталом и трудом. После Второй мировой войны и до 1970-х гг. повышение производительности за счёт технического прогресса шло на пользу как компаниям, так и трудящимся на Западе ввиду растущего спроса на высококвалифицированную рабочую силу. Но с 1970-х гг. наблюдается процесс снижения связи капитала и труда. Производительность продолжает расти за счёт технических инноваций, однако, экономическую выгоду от них получают в первую очередь владельцы капитала на фоне стагнации заработка трудящихся.

Становление цифровой экономики породило более крупные корпорации, в которых занято меньшее число работающих, в то время как автоматизация когнитивной деятельности ещё больше способствует снижению стоимости труда. Теперь значительная часть стоимости компаний приходится на такие активы, как права на интеллектуальную собственность и ноу-хау. Таким образом обладание дорогостоящими активами, наподобие промышленного дизайна, становится важнее собственно производства.

Точно так же государства столкнулись с необходимостью обеспечения технологической независимости, значение которой как инструмента геоэкономики постоянно растёт. При этом господствующий дискурс, превозносящий капитализм свободной конкуренции, противоречит исторической реальности. В частности, было бы ошибкой считать, что такие компании, как Microsoft, Intel и Apple сохраняют доминирующее положение на рынке исключительно благодаря условиям свободного рынка. Эти компании извлекли огромную выгоду из финансирования государством НИОКР, что позволило им получить доступ к технологическим инновациям при низких затратах¹. В эпоху автоматизации и развития робототехники процесс возвышения капитала

---

¹ Perelman M. *Steal This Idea: Intellectual Property and the Corporate Confiscation of Creativity*. Palgrave MacMillan, New York, 2003.

над трудом только ускорится, поскольку люди не смогут конкурировать по производительности со всё более совершенными машинами. Соответственно, появляется необходимость в сильном государстве, которое не допустило бы чрезмерной зависимости от иностранного капитала и технологий.

Китай, возможно, является последней крупной державой, использовавшей низкий уровень оплаты труда в качестве конкурентного преимущества для установления контроля над мировым производством, при этом используя доходы для приобретения стратегических активов и повышение своего уровня в глобальных цепочках добавленной стоимости. Автоматизация и роботизация привели к трансформации глобальных стоимостных цепочек: производство возвращается в развитые страны с более развитой инфраструктурой. Процесс возвращения производства наблюдается в странах с высоким уровнем роботизации, поскольку такие технологии более конкурентоспособны по сравнению с такими странами с низкой стоимостью труда, как Бангладеш и Вьетнам.

Новая промышленная революция влечёт за собой переход к глобализации 2.0, которая сопровождается упрощением цепочек поставок и повышением автономности государств. Именно снижение расходов на транспортировку, приверженность принципам свободного рынка и конкурентные преимущества стимулировали глобализацию. Сегодня же, когда производственные навыки превращаются в программное обеспечение, остаётся всё меньше стимулов для создания длинных производственных цепочек, где одни страны производят компоненты продукта, которые впоследствии собираются воедино в других странах, прежде чем дойти до конечного потребителя. Кроме того, первая волна глобализации и стремительных технических инноваций основывались на идеях бескомпромиссного экономического либерализма, что обернулось ростом популярности экономического национализма на фоне дестабилизации общественной и политической жизни ничем не сдерживаемыми силами рынка.

Новая геоэкономическая модель Китая появилась с запуском инициативы ОПОП. Значительные золотовалютные резервы страны были задействованы для развития стратегических отраслей, транспортных коридоров и финансовых инструментов, включая международные инвестиционные банки, режимы торговли, глобальные платёжные и транзакционные системы, а также становления юаня в качестве резервной валюты международных расчётов. Для Китая развитие стратегических отраслей подразумевало выход на международный рынок путём закупки природных ресурсов и содействия развитию технологических компетенций. Новые стратегические отрасли появились в рамках инициативы «цифрового Шёлкового пути», в соответствии с которой планируется цифровизация экономики и развитие технологий искусственного интеллекта, Больших данных (Big Data), робототехники, квантовых вычислений, нанотехнологий, облачного хранения и т.д.

В стратегии «Сделано в Китае – 2025» необходимость государственного вмешательства признаётся как жизненно важная для разработки ведущих технологий и оказания поддержки отечественным компаниям в их внедрении. В своём докладе за 2017 год Торговая палата ЕС в Китае обвинила Пекин в том, что Стратегия предоставляет чрезмерные субсидии высокотехнологичным отраслям, что подрывает конкурентоспособность европейских компаний². При этом Китай сохраняет свою производственную мощь за счёт активного замещения человеческого труда роботами. Уровень автоматизации производства растёт, роботы управляют «умными складами», для транспортировки товаров используются беспилотные грузовики и летательные аппараты, а для повышения конкурентоспособности экспорта разрабатываются полностью автоматизированные порты. Китай также развивает аддитивные технологии (3D-печать), тем самым снижая зависимость от сложных цепочек поставок и логистики, поскольку всё более совершенные алгоритмы уже позволяют создавать при помощи трёхмерной печати биологические материалы, целые здания и сложные компоненты с подвижными деталями.

По мере снижения потребности в дешёвой рабочей силе в Китае становится возможным повышение оплаты труда, что в будущем может превратить внутренний рынок страны в источник мирового роста. При этом для сохранения технологического лидерства Китай защищает свой внутренний рынок от иностранного проникновения. Не за горами тот день, когда в продажу поступят беспилотные автомобили, что приведёт к исчезновению десятков миллионов рабочих мест в транспортной отрасли по всему миру. Ссылаясь на соображения национальной безопасности, Китай ограничивает картографирование и съёмку своих улиц иностранными компаниями, что призвано обеспечить доминирование на внутреннем рынке беспилотных автомобилей китайского производства. Компания Didi – китайский аналог Uber – планирует создать парк беспилотных роботизированных такси. Успешно испытаны автодороги со встроенными солнечными батареями, что позволит в будущем этим беспилотным электромобилям заряжаться на ходу.

Коммерциализация в 2019 г. телекоммуникационных сетей пятого поколения (5G) приведёт к существенному увеличению скорости интернет-соединения и станет существенным стимулом для развития внутреннего рынка интернета вещей (Internet of Things, IoT). Кроме того, создание в Китае промышленного интернета вещей (Industrial Internet of Things, IIoT) с его интернет-датчиками и обработкой больших данных (big data) позволит существенно повысить производительность и эффективность. Развитие цифровых технологий и отрасли обработки больших массивов данных способствуют разработке решений в области

---

² *China Manufacturing 2025: Putting Industrial Policy Ahead of Market Forces. European Chamber of Commerce. 2017. March 7.*

искусственного интеллекта, которые приведут к прорывным достижениям во всех сферах техники – от нейротехнологий и биотехнологий до робототехники. Кардинальные перемены ждут и банковскую отрасль с внедрением технологии распределённого реестра (блокчейн), что может привести к формированию банковского сектора без банков. Если на стадии догоняющего развития Китай не считался с вопросами прав интеллектуальной собственности, то теперь ситуация может измениться с точностью до наоборот. Пекин может стать главным поборником прав интеллектуальной собственности, чтобы обеспечивать выплату лицензионных сборов конкурентами.

В то время как развитие стратегических высокотехнологичных отраслей повышает самостоятельность Китая, успех инициативы ОПОП во многом зависит от сотрудничества с Россией. Москва может стать как незаменимым партнёром в реализации этого проекта, так и непреодолимым препятствием. Интеграция России и Восточной Европы в подконтрольные Западу цепочки добавленной стоимости в рамках концепции «Большой Европы» стало бы существенной преградой для переориентирования мировой экономики на Китай в качестве её лидера. Однако приверженность России строительству Большой Евразии в сотрудничестве с Китаем способствует реструктуризации глобальных цепочек добавленной стоимости в пользу Китая. Партнёрство с Россией позволяет Китаю диверсифицировать поставки энергии и транспортные коридоры. Сопряжение интересов выгодно как Москве, так и Пекину, которые «получат Центральную Азию и Монголию в своё пользование, исключив возможность проникновения внешних сил в сердце Евразии»³.

Конкуренентоспособность Китайско-пакистанского экономического коридора также может повыситься, если Россия решит использовать его в качестве связующего звена между Транссибирской магистралью и портом Гвадар. Развитие портов на российском Дальнем Востоке и связанной с ними железнодорожной инфраструктуры обеспечит доступ к тихоокеанскому побережью внутриматериковым провинциям Цзилинь и Хэйлунцзян на северо-востоке Китая. Развитие Китайско-монгольско-российского экономического коридора также способствует наращиванию коммуникаций между Китаем и Монголией. Кроме того, китайско-российское сотрудничество может обеспечить синергетический эффект, поскольку Россия является крупнейшим в мире производителем энергоресурсов, а Китай – крупнейшим потребителем. Развитие отношений в этой области может стимулировать продвижение юаня в качестве международной расчётной валюты, создание новых инвестиционных банков, рейтинговых агентств и режимов торговли. Помимо этого, участие России в проектах Азиатского банка инфраструктурных

---

³ Lukin A. *Eurasian Great Power Triangle // Great Powers and geopolitics: International Affairs in a Rebalancing World / A. Klieman (ed.). Springer, Ramat-Aviv. Pp. 183–206. P. 201.*

инвестиций, Нового банка развития БРИКС, а также геоэкономический потенциал Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) будут способствовать укоренению новых финансовых инструментов, связанных с Китаем.

У Москвы есть весьма веские причины гармонизировать свою евразийскую стратегию геоэкономического развития с Пекином вне зависимости от отношений с Западом. Объявленная Россией геоэкономическая политика поворота на Восток будет способствовать усилению экономической взаимосвязанности с Китаем, Южной Кореей, Японией и другими ведущими странами в сфере роботизации и других технологий. Россия пока не может похвастаться особыми успехами в области автоматизации и промышленной робототехники в силу нехватки компетенций в этой области и центров подготовки.

Тем не менее, у России есть всё необходимое, чтобы преуспеть в этой сфере. Так, Россия является одной из немногих стран, обладающих практически полностью независимой цифровой платформой, состоящей из целой экосистемы отечественных компаний, предлагающих сервисы поисковых систем, электронной почты, социальных сетей, а также другими критически важными объектами цифровой инфраструктуры. Такая стратегия развития может привести к новой промышленной революции в России, ведь в военной сфере разработки робототехники никогда не прекращались, а доходы от продажи природных ресурсов странам Восточной Азии с их высоким спросом можно использовать для приобретения новых технологий и повышения уровня «технологической готовности». Кроме того, становление России в качестве транспортного коридора между Востоком и Западом, Севером и Югом может ещё больше подчеркнуть значимость России для Европы, а новые финансовые инструменты могут способствовать повышению финансовой самостоятельности Москвы.

Тем не менее, втягивание в асимметричное партнёрство с Китаем не может не вызывать у Москвы вполне оправданных опасений. Москве необходимо сохранять за собой определённые преимущества в переговорах с Пекином, чтобы обеспечить соразмерность и разумность экономической интеграции. Вместо соглашения о свободной торговле с Китаем, для России более предпочтительно такое торговое соглашение, в котором бы оговаривались тарифы и субсидии в отдельных сферах, чтобы повысить конкурентоспособность высокотехнологичных стратегических отраслей. А вместо отказа от нетерпимой зависимости от Запада в пользу избыточной зависимости от Китая, России для поддержания равновесия следует развивать собственные технологические платформы и повышать экономическую взаимосвязанность с другими странами. Однако конфликт с Западом и антироссийские санкции вынудили Москву осуществлять поворот на Восток в экстренном режиме.

Иррациональность «НОВОЙ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Продолжающаяся и набирающая обороты «новая холодная война» между Западом и Россией может стать крупнейшей геэкономической ошибкой века. Это соперничество разворачивается на фоне возвышения Китая в качестве новой доминирующей геэкономической державы. Попытки представить нынешний конфликт между Западом и Россией как «новую холодную войну», по сути, повторяют распространённую ошибку о «готовности к прошедшей войне». Само применение терминологии Холодной войны навязывает скрытые смыслы в ностальгии по знакомым и не столь запутанным реалиям прошлого и способствует мобилизации политической и материальной поддержки для соперничества с Россией.

Однако сравнение с Холодной войной обманчиво, поскольку мир перестал быть биполярным и в нём больше нет идеологического противостояния между капитализмом и коммунизмом. Во времена Холодной войны Запад монополизировал мировые экономические отношения, поскольку основным соперником выступали коммунистические государства, изолированные от международных рынков. Более точную историческую параллель можно было бы провести с российско-британским соперничеством в XIX в., когда Россия как могущественная континентальная держава в Евразии бросала вызов морской империи Британии. Однако это противостояние привело не к появлению единоличного победителя в лице России или Британии, который бы претендовал на мировую гегемонию, а к становлению полицентричного мира и подъёму таких стран-конкурентов, как США, Германия и Япония.

Эскалация конфликта между Западом и Россией ведёт к изменению структуры глобальных цепочек добавленной стоимости в пользу усиливающегося Китая. Выбор Запада в пользу жёсткой конфронтации с Россией вызывает вопросы, поскольку куда более рациональной политикой было бы согласование интересов с Россией для формирования «Большого Запада», а не подталкивание России в объятия Китая – своего главного геэкономического соперника. Необходимость принятия России в состав «расширенного» Запада для оказания влияния на Евразию и создания противовеса набирающему силу Китаю признавал даже Збигнев Бжезинский, которого вряд ли можно считать другом России⁴. Однако оставленные в наследие от холодной войны институты и организации

---

⁴ Brzezinski Z. *Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power*. Basic books, New York, 2013. P. 123.

в Европе, функционирующие в логике «нулевой суммы», делают такую рациональную политику невозможной. Антагонизм сторон и игры с «нулевой суммой» делают отношения менее стабильными и создают угрозу тотального конфликта, в котором «победитель получает всё»⁵. Таким образом, согласование интересов ведущих держав является неременным условием для ограничения геэкономического соперничества и балансирования взаимозависимости. Как гегемонистские устремления НАТО и связанные с ними структуры, действующие в логике игры с нулевой суммой, так и геэкономическая политика Европейского Союза, стремящегося к единоличной выгоде, — исключают нахождение общих интересов с Россией.

Антироссийские санкции привели к тому, что поворот России на Восток во многом воплотился в сближении с Китаем, что ослабляет как Россию, так и Запад. Соглашение стоимостью 400 млрд долларов по строительству трубопровода «Сила Сибири», подписанное сразу же после первой волны антироссийских санкций в 2014 г., стало наглядным примером укрепления геэкономических позиций Китая благодаря «новой холодной войне». Считается, что позиции России на переговорах с Китаем были ослаблены, что вынудило Москву согласиться на условия, более благоприятные для Пекина. Однако это соглашение не менее невыгодно и для Запада, поскольку его подписание ознаменовало создание китайско-российского стратегического партнёрства, что привело к развороту российского энергетического сектора на Восток.

Постепенно снимаются преграды на пути проникновения Китая в стратегические отрасли России, что открывает путь для приобретения Китаем российских добывающих компаний и получения ценного опыта работы на российском рынке. Ввиду возражений Вашингтона относительно участия Японии в совместном с Россией освоении нефтяных шельфовых месторождений близ Сахалина пострадало российско-японское энергетическое сотрудничество. Озвученный в 2013 г. план по строительству завода по производству сжиженного природного газа (СПГ) во Владивостоке для наращивания поставок в Японию в 2015 г. был отложен. Вместо этого приоритетом для России стало строительство газопровода в Китай. Со смещением акцента в экономическом сотрудничестве (с Японии на Китай) можно ожидать перемен и в политическом плане. Потенциальный отказ России от своего нейтрального статуса в Тихоокеанском регионе в пользу открытого сближения с Китаем может негативно сказаться на интересах США в регионе. Аналогичным образом санкции США против европейских компаний, участвующих в проекте строительства газопровода «Северный поток-2», подрывают энергетическую безопасность Европы и служат дополнительным стимулом для наращивания Россией своих поставок в Китай. Как показал инцидент

---

⁵ Schelling T.C. *The Strategy of Conflict*. Harvard University Press, London, 1980. P. 3.

с компанией «РУСАЛ», введённые США санкции осудили даже их партнёры, что привело в дальнейшем к отмене ограничений, которые нарушали жизненно важные для Запада цепочки поставок.

Существовавшие ранее ограничения на экспорт Россией продукции своего военно-промышленного комплекса и секретных технологий также были отменены. Россия уже поставляет Китаю противоракетные комплексы С-400 и истребители Су-35. Кроме того, стала доступна проектная документация на подводную лодку модификации Амур-1650, а также компоненты создания спутников с ядерным двигателем. По многим позициям импорта Китай заменил для России западных поставщиков. Так, за счёт обратного проектирования Китаем некоторых изделий или создания аналогов ввезённых ранее силовых агрегатов из Германии Китай смог заменить германских поставщиков, когда последние перестали поставлять России свои установки, необходимые для модернизации российского оборонного комплекса. И хотя китайские двигатели уступают по качеству германским моделям, экономия за счёт масштаба экспорта в Россию будет способствовать дальнейшему развитию военной промышленности Китая. Аналогичным образом ситуация складывается и в космической отрасли, где российская корпорация «Роскосмос» предпочитает сближение с Китаем сотрудничеству с США в области разработки новых технологий и освоения космоса.

Если раньше Россия стремилась бы ограничить растущее проникновение Китая на европейский рынок, то сейчас это рассматривается лишь как одно из проявлений становления более полицентричной мировой системы. Приобретение Китаем порта Пирей в Греции и его развитие в очень сжатые сроки свидетельствуют о геоэкономических амбициях Китая в Европе. Китай планирует связать порт Пирей с Венгрией высокоскоростной железной дорогой, что позволит Пекину проецировать своё влияние в Центральной и Восточной Европе, где в ряде государств растёт недовольство излишним вмешательством в свои дела со стороны ЕС. Эта инициатива не только позволит порту Пирей увеличить грузопотоки в ущерб другим западноевропейским портам, как, например, Роттердам, но и будет способствовать замещению западных источников финансирования китайскими инвесторами, что ведёт к формированию долговой зависимости от Китая. Как показало проведённое Европейской комиссией расследование, Венгрия предпочла принять финансирование от Китая – вместо проведения открытого тендера, в результате которого с большей долей вероятности условия привлечения средств от кредиторов из ЕС оказались бы предпочтительными.

Несмотря на предпринятые ЕС попытки остановить этот проект, Китай продолжает продвигать формат сотрудничества «16+1», добиваясь углубления отношений с 11 странами Центральной и Восточной Европы и пятью балканскими странами. Чтобы противостоять покупке Китаем стратегических активов, ЕС создал Комитет по иностранным инвестициям (Committee on

Foreign Investment in the EU, CFIEU), деятельность которого во многом схожа с задачами Комитета по иностранным инвестициям США (CFIUS). Однако на фоне попыток укрепить сплочённость внутри Союза и укрепить контроль над торговой политикой, непопулярные антироссийские санкции стали причиной раздора между членами ЕС, а также способствовали приходу к власти политических сил, выступающих против истеблишмента.

Вместо того, чтобы препятствовать установлению Китаем контроля над южным морским путём в Европу, Россия развивает навигацию по Северному морскому пути. В отсутствие партнёров на Западе Россия отказалась от существовавшей некогда политики арктических стран по ограничению доступа в регион таких неарктических государств, как Китай. Привлечение Китая в Арктику для укрепления совместного влияния Китая и России на международной арене может сделать стратегическое партнёрство между ними более сбалансированным. В Арктике соотношение сил с учётом российского проекта Большой Евразии и китайской инициативы ОПОП представляется более сбалансированным, поскольку Россия обладает монопольным контролем над территорией, тогда как Китай предоставляет финансирование и обеспечивает товарооборот. Для обоснования инфраструктурных инвестиций важно наличие синергетического эффекта и экономии масштаба. Так, арктический транспортный коридор также может быть задействован в энергетических проектах, при проведении научных и исследовательских работ, для развития туризма и развёртывания военных сил. Арктический транспортный коридор может способствовать развитию российского и китайского судоходства и промышленности, а финансирование этих инициатив позволит укрепиться незападным банкам развития и обеспечит становление юаня в качестве валюты международных расчётов.

Соперничество между Россией и Западом отвечает амбициям Пекина ещё и с точки зрения повышения контроля над международными финансовыми инструментами. Усилия Запада по ослаблению российской экономики за счёт ограничения доступа к рынкам ссудного капитала привели к укреплению китайского влияния на российском рынке. Вводя санкции, Запад стремился нанести максимальный ущерб ключевым российским компаниям, включая «Роснефть», «Газпром», а также проект «Ямал СПГ», на спасение которого затем пришёл Китай. Если изначально китайские банки были вынуждены соблюдать западные санкции, то в дальнейшем Китай и Россия создали параллельную экономическую инфраструктуру, которая позволила защитить их отношения от враждебных экономических мер Запада. Всё чаще в российско-китайской торговле проводятся расчёты в национальных валютах. И если объёмы этих расчётов в национальных валютах и долгового финансирования в юанях были достаточно скромными на первых этапах из-за необходимости адаптации всех участников к новым системам взаимоотношений, то полученный Китаем и Россией опыт в этой сфере и созданные ими институты позволяют им распространять подобную практику и на другие страны.

Например, Иран совершенно очевидно стремится воспользоваться новыми Евразийскими инструментами. При этом стимулы для проведения расчётов в юанях есть даже у стран, не выказывающих особого желания отказаться от доллара. В результате роста зависимости России от экспорта нефти в Китай, в 2015 г. Россия заменила Саудовскую Аравию в качестве крупнейшего поставщика нефти в эту страну. Чтобы составить конкуренцию российским поставкам в Китай, Саудовской Аравии рано или поздно придётся перейти в осуществлении расчётов на юань. Привлекая на свою сторону экспортёров энергоносителей, Китай преследует амбициозную цель создания «нефтеюаня» – в противовес нефтедоллару. В марте 2018 г. Китай, наконец, запустил котировки эталонной нефти в юанях, вступив в конкуренцию с US Brent и West Texas Intermediate (WTI), и начал торговать нефтяными фьючерсами, деноминированными в юанях. В 2017 г. Китай создал платформу «платёж против платежа» (payment-versus-payment, PVP) для сделок в рублях и юанях, и эта практика может быть также распространена на другие государства, участвующие в инициативе ОПОП. Хотя в относительном выражении юань ещё не очень активно используется в международных расчётах, Китай стремится обеспечить своей валюте международный статус за счёт её использования в торговом финансировании, инвестициях и в качестве резервной валюты.

Всё более привлекательными для России становятся и другие связанные с Китаем финансовые инструменты, включая инвестиционные фонды, рейтинговые агентства, системы проведения расчётов и платёжные системы. Наблюдаются попытки согласовывать интересы в рамках совместных инвестиционных фондов, а также снизить зависимость от доступа к западным источникам финансирования. Например, в рамках совместного предприятия Российского фонда прямых инвестиций и Китайской инвестиционной корпорации (China Investment Corp) был создан Российско-китайский инвестиционный фонд (РКИФ). Китайско-евразийский фонд экономического сотрудничества и РКИФ предоставляют финансирование для совместных проектов в рамках сопряжения Евразийского экономического союза и китайской инициативы ОПОП.

Руководствуясь политическими соображениями, западные рейтинговые агентства Moody's, S&P и Fitch снизили кредитный рейтинг России до «мусорного» или «почти мусорного» уровня, тем самым пытаясь обеспечить повышение стоимости заимствований для России. В ответ китайские рейтинговые агентства, например Dagong Global, также исходя из соображений политического порядка, присвоили «Газпрому» самый высокий кредитный рейтинг, тем самым дав возможность российской компании привлекать средства по наиболее выгодным ставкам вместо того, чтобы обращаться в западные финансовые учреждения⁶.

---

⁶ Lukin A. *Russia's Eastward Drive – Pivoting to Asia... Or to China?* // *Russian Analytical Digest*. 2015. No. 169. June 30; Hille K. *Moscow seeks to unlock Chinese financing for Russian companies* // *Financial Times*. 2015. May 7.

Происходит также сближение в сегменте платёжных систем. Благодаря Китайской системе международных платежей (China International Payment System, CIPS), угроза потери доступа к SWIFT уже не представляет для России такую угрозу как раньше. Введённый США запрет на работу систем Visa и Mastercard в Крыму и отказ в проведении транзакций для подпадающих под санкции физических лиц по всей территории России заставили Москву добиваться снижения зависимости от американских платёжных систем. В итоге, в России создана собственная платёжная система «Мир». За счёт партнёрства с китайской системой UnionPay «Мир» вышла на международный уровень. В 2017 г. «Россельхозбанк» выпустил первую карту Мир-UnionPay. Таким образом пользователи карты «Мир» могут использовать всю сеть UnionPay, которая охватывает более 160 стран.

Заключение. К чему может привести оттепель в отношениях между Россией и Западом?

Запад постепенно начинает осознавать, что российско-китайское партнёрство перестало быть «браком по расчёту» и трансформируется в стратегическое партнёрство. Тем не менее, по причине «новой холодной войны» снова воспользоваться предложенной Генри Киссинджером формулой дипломатического «треугольника», призванной воспрепятствовать дальнейшему сближению России и Китая, представляется невозможным. Конфликт между Западом и Россией обострил асимметрию в российско-китайских отношениях и повысил потенциал Китая по развитию альтернатив западным цепочкам добавленной стоимости. Антииранские санкции должны были стать тем самым уроком, который так и не извлёк Запад. В результате Китай получил возможность занять доминирующее положение на рынке и нарастить свой геоэкономический потенциал, который в конечном итоге станет вызовом Западу. Ужесточение антироссийских санкций вынуждает как Пекин, так и Москву начать быстро учиться снижать зависимость от Запада. Вместо того, чтобы заставить Россию пойти на уступки и изменить свою политику, санкции подготовили Москву к проведению болезненных реформ, ускоряя формирование полицентричного мирового порядка.

 [ValdaiClubRu](#)

 [ValdaiClubRu](#)

 [t.me/valdaiclub](#)

 [ValdaiClub](#)

 [valdaiclubcom](#)

valdai@valdaiclub.com